

Наталья Толста

Лёгкие злуности
Незрелого возраста

Наталья Юлина

**Лёгкие глупости
незрелого возраста**

«Издательские решения»

Юлина Н. А.

Лёгкие глупости незрелого возраста / Н. А. Юлина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907732-5

Эту книгу о детстве и юности можно читать с любого места. Всё здесь — правда, придуманная с честными намерениями. Текст есть текст, а не попробовав пудинга, не узнаешь его вкуса.

ISBN 978-5-44-907732-5

© Юлина Н. А.
© Издательские решения

Содержание

дошкольное образование	6
свидетельство о рождении	6
мы играем в сказку	7
мальчики	9
первый класс и дача	10
школа 629	10
Тарычёво	11
кузины	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лёгкие глупости незрелого возраста

Наталья Алексеевна Юлина

Журналист Наталья Павловна Коноплева

© Наталья Алексеевна Юлина, 2019

ISBN 978-5-4490-7732-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**лежу в темном углу и смотрю, как сокращается
до маленького блестящего пятнышка
на ободке будильника
кусочек неба**

дошкольное образование

свидетельство о рождении

Не то, чтоб долго я рождалась, но препорядочное время. Помню, плаваю я в теплой маминной воде, и никакие дурные мысли мне в голову не приходят, и тут природа вдруг стучится в моё убежище и властно приказывает выходить.

Я начала стараться, я старалась почти сутки и вот, посиневшая от нечеловеческого труда, я своею окостеневшей головой, наконец, пробилась на этот свет, так некстати названный белым.

Мама лежала чуть живая, истекая кровью, и тут я издала победный клич на октаву ниже писка всех моих сверстников. Моя часть работы оказалась смертельно опасной, но я одержала первую победу. И вот она началась – жизнь.

Тяжесть моего рождения объяснялась тем, что природа долго не желала давать мне сигнал на выход, и от этого я появилась, имея большие предпочтения – у меня оказалась твердая голова, лишенная всяких недостатков, что позволило устремиться к цели семимильными шагами. В полгода я уже говорила и (хотелось написать писала, но это было бы враньем) ходила, держась за руку, за лавку, за диван и за всё, что для этого годилось. Ползать мне просто не приходило в голову.

Но тут немцы начали бомбить мой город.

Помню, все спускались в бомбоубежище с плохим настроением, кроме, конечно, меня. Я подбадривала каждого, на меня взглянувшего, ослепительно беззубой улыбкой. И тут бомбежка кончилась сразу за тем, как бомба попала в наш дом. Бабушка падает без памяти, потому что в квартире остался мой дядька Витька. Он всю ночь дежурил на крыше нашего дома, собирая фугаски, но вместе со звуком сирены его дежурство кончилось, и он ушел спать.

К счастью, бомба упала в середину дома, и наше крыло выстояло. И вот мы поднимаемся на наш четвертый этаж – дядька Витька спит сном праведника, прикрытый поверх одеяла настенными часами с маятником и боем. Ни грохота от взрыва бомбы, ни боя часов, упавших со стены, он не слышал.

Я вполне обжилась в этих не простых, но упрощенного комфорта, условиях. Так как не было никаких натуральных продуктов, ни молока, ни сахара, то врачи рекомендовали маме кормить меня грудью столько, сколько она сможет. Я ела и пила исключительно продукт, произведенный моею мамой: подбегала к ней и требовала грудь. Потом мама начала работать в школе, а нянькой пристроили дядьку Витьку. Чем он меня кормил, трудно сказать. Будучи неробкого десятка, к тому же с природной склонностью к экспериментам, (нечего и добавлять, что я унаследовала эти, неплохие в сущности, черты), время от времени он сажал меня на абжур, чтобы поглядеть, как я буду добывать пищу. Даже такому неглубокому уму, как мой, быстро становилась очевидной ошибочность его действий, и я требовала компенсации.

Тогда дядька Витька клал меня в коляску, привязывал к ее ручке длинную веревку и отпихивал коляску в дальний конец коридора. Коляска верещала ржавыми сочлененьями, уж не помню, смеялась я или плакала. Тут он выбирал петли веревки, я возвращалась к нему, благодарная за спасение, А он повторял аттракцион снова и снова.

мы играем в сказку

Мой дед, как теперь и я, не мог спокойно жить, если не узнал последние новости. В пять лет моей обязанностью стало читать ему, вернувшемуся с работы, свежую газету. Учили меня читать или я сама овладела этим искусством, еще сидя в утробе мамы, трудно вспомнить. Если у деда выдавался свободный и беззаботный часок, он становился моей куклой. Я собирала его мягкие, тонкие волосы в кисточку, заворачивала лентой и завязывала бантик, эта игра мне нравилась, а вот кукол тряпочных, целлулоидных и прочее барахло я презирала.

Я могла часами играть с большой коробкой карандашей. Каждый карандаш был членом многочисленной группы людей. Там было много детей, много взрослых, и все они увлеченно чем-то занимались. Подробнее про эту игру сказать ничего не могу, потому что я выросла и сделалась туповатой.

То, что хочу сейчас рассказать, произошло много раньше карандашей. Это было время, когда голову никак не тормозило тело, я просто не знала о его существовании, да, тело тогда еще не добавилось к моей голове.

Я просыпаюсь в полдень одна и иду по коридору в кухню. Я иду, а под ногами у меня солнце. И вот захожу в кухню, а она вся – солнце. До этого я, наверняка, видела солнце и раньше, и в кухне оно иногда лежало после обеда, но этот миг я запомнила, потому что он и был тем самым недосыгаемым счастьем жизни. Это произошло в первый раз.

Конечно, никто меня больше на абажур не посадит. Время моё прошло. Но немножко я продолжаю жить на абажуре. И не высоко, но сверху. А пока в квартире со счастьем живет еще одна семья и в ней мальчик Миша. У него большая голова и полное отсутствие интеллекта. Как только его выводят на улицу, он, не раздумывая, бросается под машину, и взрослые с трудом вытаскивают его из-под колес. Не думаю, что Миша так отважен, мол, выскочу и одержу победу над этим чудищем. Скорее он теряет голову от страха, поэтому бежит не от машины, а прямо на нее. Одно слово – мальчик.

Не подумайте, что я такая злая, и не люблю сверстников: у Миши была сестра Оля, на год меня старше, моя душевная подружка.

Любимой, тайной игрой у нас с Ольгой была игра в ёлку. Ставили в коридоре один табурет, на него другой, перевернутый, в него горшок с цветком, самый большой, какой могли поднять. Ёлка готова. Вернее не ёлка, а её начало. Ёлка – это, когда наряженная.

Сначала всё это заматывается бельевой веревкой. Чем больше, тем лучше. На веревке можно вешать всё: носовые платки, фантики, платки другие, шапки, мамину старую шляпку, её прозрачную кофточку, а чтобы блестело, можно втыкать гвозди, засовывать стеклышки от секретов, ложки, скрепки, вилки. Мы работали с Ольгой уже два часа, но всё чего-то не хватало.

Вдруг Ольга оборачивается и кричит: «мама», так что я вздрагиваю. Ее мама с ней не живет, потому что она умерла. Они приехали из Средней Азии после землетрясения уже без мамы. Я поворачиваю голову и вижу очень красивую женщину. Она, ласково улыбаясь, смотрит на елку, потом в полной тишине начинает нам помогать. Как только Оля называет её мамой, она прикладывает палец к губам, как бы говоря: «тише, если будешь шуметь, я исчезну».

Ёлка переливается всеми цветами радуги, ёлка торжествует вместе с нами. И тут у мамы в руках появляется серебряная звезда. Она прикладывает ее к самой верхушке, и мы, не отрывая глаз, смотрим на звезду. В углублениях серебра вспыхивают красные огоньки и змейками выскакивают наружу. Оля плачет. Сначала про себя, потом появляется голос, и в этот момент мама со звездой исчезает. Она просто тает в воздухе.

Больше мы с Олей в ёлку не играли, зато рассказывали друг другу случаи из жизни. Вот случай из Олиной жизни:

Оля была такая маленькая, что не разбиралась, кто красивый, а кто нет. Кто добрый, тот и красивый, получалось у нее.

И поселилась она в необитаемой деревне. Никто там не жил, кроме Крокодила. Он оказался таким добрым, что Оля его полюбила и считала самым красивым.

Но Крокодил, как часто он повторял, быстро старился и боялся умереть. Однажды он колот дрова и упал. Оля не хотела, чтобы он умер, и ждала, когда Крокодил встанет. Он не встал, и девочка принялась плакать. Она плакала так сильно, что вокруг образовалось море слез. Плавать она не умела, но когда начала тонуть, забила руками-ногами и поплыла. Скоро она научилась плавать, совсем не уставая и глядя в небо, и, наконец, приплыла к маме. Войдя в дом, она увидела, что пьют чай. За столом сидел Крокодил и дул в блюдо.

Мы не очень твердо знали, кто такой крокодил. Олин папа звал «этим крокодилом» своего начальника на работе. Но в истории начальнику не было места.

Когда подружка пошла в школу, не очень я ей завидовала, потому что всё равно считала себя старшей. Помню, как Оля спросила меня, а как пишется Онекдот или Анекдот, и я, надув щеки, обучила ее релятивистскому подходу к проблеме. Объяснила, что пишут, и так, и так – всё дело в содержании анекдота.

Истории из жизни, вроде крокодилей, мы рассказывали друг другу в охотку и не часто, зато каждый день носились по коридору, выдумывали разные придумки и еще выбегали из кухни на балкон посмотреть на трамваи. Это зрелище захватывало нас сильнее всяких сказок. Близко от нашего подъезда, на трамвайной остановке скапливался народ. И вот высокий домик с окнами, мелодично прозвенев, подкатывал, из него кубарем вываливались люди, как муравьи расплозились в разные стороны, а в это время дребезжащее чудо, изобразив пылесос, уже всосало всю прежнюю толпу. Бесконечная повторяемость и неповторимость движений приковывали – это, как смотреть на огонь в печи.

Иногда со звоном проходил грузовой трамвай, где-то задетый бомбой и залеченный синей высокой фанерой, стоявшей вертикально по бортам. Во времена, когда я не могла, в силу объективных причин, выходить из комнаты, я рассматривала улицу, стоя на подоконнике. Тогда, за неимением жизненного опыта, я называла такие штопаные трамваи рваными.

Но вернемся к нашим с Ольгой играм. Балкон, с широкими выходами в небо между ржавых железных брусев, был старым и каменным. Чтобы мы, разгоряченные игрой, прямо из кухни не выскочили с четвертого этажа, между брусьями навязывались проволоочки, их легко можно было отвязать, но старшие запрещали это делать. То ли дед, то ли дядька Витька, то ли я сама, кто-то из нас выступил автором такого толкования: если отвязать даже одну проволоку, балкон сразу обвалится. Мы с Олей, находясь на первобытном уровне развития человека, боялись даже дотрагиваться до проволочек. В жизнь входило колдовство, тайна, не подчинявшаяся никакому разуму.

Вот еще одно волшебное место, это уж Олина придумка. Живет она в деревенском двухэтажном домике на втором этаже. Чтобы попасть в это место, надо сначала слезть по крутой лестнице вниз, потом подняться по другой, потом опять спуститься, опять подняться, открыть гигантскую дверь, включить ослепительную огромную лампу в черной пречерной комнате с названием ОМ. Попасть ночью одной в такое место – не приведи Бог.

МАЛЬЧИКИ

А с мальчиками всё как-то не клеилось. Первый раз, конечно, Миша. Второй раз случилось еще в доязыковый период, время, когда я не безмолвствовала, но объяснялась звуками и жестами.

Везла меня мама в трамвае. Сажу у нее на коленях, в руке держу любимый совочек. Не смогли его у меня вырвать после песочницы. А напротив сидит пренеприятный мальчик, его лицо мне принципиально не понравилось. Терпела, терпела, терпела, и тут терпенье лопнуло, и я совочком залепила в ненавистное личико. Младенец завопил, а моя мама, схватив меня в охапку, выскочила из трамвая.

И третий раз, это уже учусь. После уроков выхожу из школы в коллективе подруг, и тут едва замеченный мною мальчик, тоже в коллективе, только своим мужском, оттягивает резинку на рогатке, и металлический заряд летит мне в ногу. Боль сливается с яркой ненавистью не только к этому, но ко всем лицам мужского пола на Земном Шаре. Дед к тому времени уже умер, а дядька Витька уплыл за горизонт. Пришло время соприкосновения с неприятными людьми. И прошла жизнь, и я научилась прощать, как теперь выражаются, стала толерантней, и пришло мне в голову, а чем черт не шутит, может быть, мальчик с рогаткой это тот самый, кого я так не мотивированно (с его точки зрения) атаквала, вооруженная совочком.

В развеселое дошкольное время папа был на фронте, а мое человеческое общество состояло из деда, бабушки, мамы, дядьки Витьки и соседки, ровесницы Ольги. Никаких садов-яслей не было, и первый мой выход в общество состоялся в туберкулезном санатории. Что такое этот санаторий? Пожалуйста. Передо мной ветка орешника – листья широкие большие, сзади меня такая же ветка, и невысокая трава в стороне. Всё. Это и есть санаторий, где я провела три месяца.

А в Москве природы вокруг еще меньше. Любимая природа появлялась весной – ледоход. Наш дом отделялся от Москва-реки большим пустырем, местом моих юношеских подвигов. Там мы жили большой компанией, и я оказывалась, по слухам, не последним атаманом (слухи до моего слуха донес дядька Виктор Макарыч уже много лет спустя). Но ледоход... Я в школе, а перед школой мы уехали в сухопутное место, хотела где-нибудь описать, рассказать, что такое ледоход, но всем было не интересно. И вот он, случай.

Приходишь на берег и тут же с большой скоростью начинаешь уплывать. Всё серое, вспученное, каменное, ледяное стоит на месте, а ты летишь мимо. Страсть к такому полету – это первое наркотическое переживание. Поймать кайф от затяжки сигаретой, разве не то же. Если б в детстве я не плыла перед ледяными завалами, то не была бы такой... глупой или инертной, или вообще была бы другой.

С тех пор я никогда не видела ледохода. Во... от, вот почему я становлюсь с каждым годом всё глупее.

первый класс и дача

школа 629

И вдруг уже школа.

30-го августа собрали класс. Чужая тетя учитель нарисовалась страшной угрозой.

Огромная – и я поняла свою крошечность. Усатая – и я осознала, что у меня совсем голое лицо. С агрессивным мужским голосом – и моя колоратура превратилась в писк.

Вернувшись после казни домой, я категорически отказалась хотя бы раз добровольно пойти в школу. Но угроза была ложной, наша учительница Анастасия Ивановна, старенькая, худенькая, с тихим мягким голосом, ничем не напоминала того усатого гренадера.

Тем не менее, в первый день от страха девочка Никифорова, высокая, как нам, коlobкам, казалось, с вишневыми напуганными глазами, описалась посреди урока. Никто не смеялся, все смотрели на нее с ужасом. Если с ней это случилось, так что – и с нами может? А девочка Никифорова уже никогда не будет, как мы. Она будет великомученицей, снявшей с нас первородный грех недержанья.

В классе не было мальчиков. А я неделю назад победила Альку из квартиры под нами. Мы только переехали с берегов Москва-реки в новый дом. Спускалась с лестницы, и тут вполне неизвестный мне Алька молча замахнулся на меня, я молча врезала ему, и больше он никогда ко мне не приставал. Я хотела побеждать еще, но в классе не было мальчиков. Пришлось их выдумать. Всех девочек класса я рассортировала на мальчиков, девочек и нейтральных персон.

Мальчики это громкие, кривобокие пофигистки. Девочки – тепленькие мягонькие тихони. Все остальные – нейтралы.

С первых дней я произвела хорошее впечатление, и одноклассники доверили мне свои уши. Я ходила в школу с белой повязкой на кофте, повыше локтя. На повязке стоял красный крест. Моя специализация называлась санитарка. Мне вменялось перед уроками стоять у входа в класс и заглядывать каждой входящей в уши. Я ни разу не заметила грязи в ушах, за что меня уважали, но не любили, потому что любовь в этих сердцах проснется классу к пятому. Мы были стадом овечек, снимающих свои шкурки при выходе из школы.

Тарычёво

После первого класса, а также после второго, третьего, четвертого я вместе с колонной родственников по папиной линии отправлялась в Тарычево. Овечья шкурка так прилипла к моему тельцу, что кузина Лиза, на два года младше меня, считала меня барашком. Кем еще может быть существо, нырявшее с книжкой на целый день в заросли золотых шаров.

Первый класс, школа не могли стать причиной моего изменения. Дело было в другом – перед началом дачной жизни умер дед. Вот она старая фотография. Я стою ближе всех к гробу и с растерянным недоверием смотрю в лицо деда. Выглядит эта малютка не по годам юной. Больше четырех ей не дать. И вот смерть деда переломила младенчество.

КУЗИНЫ

Слава Богу, кузину Лизу с хорошеньким личиком в форме колеса можно было увидеть только за полчаса до сна. Где она пропадала, никто не знал, но судя по ее иногда выскакивающим матерным словам в случае, если что-то казалось этому шестилетнему ангелу не правильным, она всё своё рабочее время посвящала дружбе с деревенскими ребятами. Если Лизаньке на ее пути попадался барашек, она без всяких слов объясняла, кто в доме главный, походя сунув свой крепкий кулачок мне под ребра. Я старалась ей на глаза не попадаться, зато старшая сестра Ксюша Лизавете не могла не попасться на глаза, поскольку спали они на соседних кроватках. И что же? Еще не открыв глаза, Ксения урезонивала сестричку за вчерашнее и, наконец, разочаровавшись в нотациях, в сердцах выкрикивала: «стерва ты». На что получала молниеносный ответ: «А ты ябеда».

Это означало, что они проснулись и готовы к новым свершениям, но до завтрака не хватало энтузиазма, чтобы начать боевые действия, а после завтрака оказывалось, что у каждой дел невпроворот, и они разбегались.

Просидев полдня с книжкой под окном нашей комнаты, барашек шел на травку. Лес был далеко, а кругом тропки бегали по лугам и спускались в овраг. В тот год я часто уходила побродить там одна. Мои размышленья привели к мысли о смерти. Я не похожа ни на Лизку, ни на Ксюху, ни на других родственников – значит, я должна скоро умереть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.